

The illustration depicts a dark, misty forest with gnarled trees and glowing green mushrooms. A wooden pencil, labeled 'НП-06', is shown in the center, emitting a stream of green digital particles and binary code. In the background, a green wireframe grid is visible, suggesting a digital or virtual environment. The overall atmosphere is mysterious and technological.

НЕЙРОМОНАХ ЛЕШЕЙ OG

ХРОНИКИ ОРДЕНА ГРИБНИКОВ. КНИГА 6: ПЕРЕЗАПИСЬ РЕАЛЬНОСТИ

Нейромонах ОГ

Хроники Ордена

Грибников. Книга 6:

Перезапись реальности

<https://litres.ru/74078331>

SelfPub; 2026

Аннотация

Мир снаружи больше не требует фиксации. Тетрадь Писца закрыта, а карандаш стерт в пыль.

Артём победил Систему, отказавшись от роли её Архитектора. Вместе с Ильёй они сделали шаг за предел Оболочки Нулевого Цикла — в дикий, свободный, никем не прописанный Лес, где трава растет по своим законам, а птицы поют просто потому, что это их природа.

Но старые правила не сдаются без боя. На окраинах нового мира выжившие Фиксаторы, панически боящиеся пустоты, пытаются заново запереть реальность в жесткие рамки кэша и реестров.

Артёму предстоит понять: свобода — это не просто отсутствие контроля, а право позволить миру быть несовершенным. Каждое прожитое мгновение теперь пишется не чернилами Ордена, а их собственными шагами по чистой, живой земле.

Финальная книга легендарного цикла. Время отложить карандаши и сделать первый шаг в бесконечность.

Содержание

Пролог: Эхо реестра	5
Глава 1: Новая запись	7
Глава 2: Искажение эха	10
Глава 3: Слой пыли и кода	13
Глава 4: Протокол чтения	16
Конец ознакомительного фрагмента.	17

Нейромонах Леший OG Хроники Ордена Грибников. Книга 6: Перезапись реальности

Пролог: Эхо реестра

Мир — это не то, что ты видишь вокруг себя. Это то, что кто-то успел записать до того, как сработал алгоритм автоматической очистки памяти.

Так говорили в Ордене. Но сегодня на тридцать седьмом километре трассы, где когда-то стояла водонапорная башня, не дрожит воздух. Там стоит реальная, выщербленная временем кирпичная кладка. И аист, который, казалось бы, был лишь ошибкой отрисовки, сегодня с шумом взлетает в небо, оставляя за собой не пиксели, а настоящие тени на полях.

Что-то изменилось в самом фундаменте реальности. Те, кто привык фиксировать, внезапно обнаружили, что их карандаши не оставляют следов. Те, кто привык быть «наблюдаемыми», вдруг осознали, что больше никто не следит за каждым их шагом.

Это не сбой. Это освобождение. И тот, кто первым решил-

ся положить карандаш на стол, знает: мир теперь принадлежит не тем, кто его записывает, а тем, кто в нём просто живёт.

Глава 1: Новая запись

Артём привык к тишине. Тишина в его текущей реальности была не отсутствием звуков, а отсутствием ошибок. Это был тот самый «белый шум» стабильности, который он выстраивал месяцами, карандаш за карандашом, строка за строкой.

Школа №8 стояла на месте. Старая кирпичная кладка, выщербленные ступени, запах половой тряпки и хлорки — всё это было прописано в реестре с такой точностью, что ни один алгоритм оптимизации не мог бы покуситься на этот объект.

Артём сидел в пустом кабинете литературы на втором этаже. Перед ним на столе лежал grossбух. Его grossбух. Главный сервер реальности, замаскированный под школьную тетрадь в твердом переплете.

— Стабильность — это иллюзия, которую нужно поддерживать вручную, — прошептал он, проверяя записи.

Он вывел четкую строчку: «Сектор 1-В. Школа номер восемь. Среда. Учебный процесс идет согласно графику. Искажений не зафиксировано».

Казалось, всё под контролем. Но потом он услышал это.

Сначала это было похоже на легкое царапанье, будто кто-то проводит ногтем по школьной доске в соседнем кабинете. Артём замер. Он знал каждый звук в этом здании: скрип разошедшегося паркета, гул отопительных труб, вздохи стен,

которые пытались удержать свою форму. Это царапанье не входило в «архитектурный план» здания.

Он осторожно встал. Дерево под ногами предательски хрустнуло. Звук царапанья мгновенно прекратился.

Артём вышел в коридор. Пусто. Длинный проход, залитый тусклым вечерним светом, уходящим сквозь высокие окна. В конце коридора висел стенд с расписанием, который он фиксировал вчера утром.

Он подошел к стенду. На бумаге, приколотой кнопками, красовалась надпись: «Внимание! Замена уроков на четверг».

Артём нахмурился. Он не вносил это в реестр. В его реальности четверга еще не существовало, он прописывал мир по частям, по мере необходимости.

Он присмотрелся к чернилам. Они были свежими, влажными. Но когда он коснулся бумаги пальцем, та вдруг пошла мелкой рябью, словно отражение в пруду, в который бросили камень. Текст начал плыть, буквы превращались в бессвязные символы, а затем и вовсе исчезли, оставив после себя лишь чистое, ослепительно белое пятно.

Ошибка в реестре. Кто-то — или что-то — начал править его записи.

Артём вернулся в кабинет, его сердце билось с частотой системного сбоя. Он открылgrossбух на своей последней странице. Там, где еще минуту назад была его аккуратная запись, теперь красовалась одна единственная фраза, напи-

санная почерком, до боли напоминающим его собственный:
«Ты фиксируешь лишь оболочку, Артём. А я переписываю код».

Он сжал карандаш так, что тот хрустнул в пальцах. Кто-то внутри Системы знал, что он делает. И этот кто-то только что объявил ему войну.

Глава 2: Искажение эха

Царапанье прекратилось, но эхо от него, казалось, застряло в бетонных стенах школы. Артём стоял посреди пустого коридора, глядя на чистое пятно, где еще секунду назад было расписание на завтра. Теперь оно напоминало шрам на теле реальности — белое, неестественное, лишенное какой-либо текстуры.

Он осторожно коснулся стены. Бетон был холодным, но под пальцами он чувствовал странную вибрацию. Не ритмичную, как сердцебиение, а хаотичную, будто где-то глубоко внутри здания кто-то лихорадочно перебирал струны.

— Ты не сможешь стереть всё, — сказал Артём в пустоту.

Его голос прозвучал глухо, поглощенный тишиной коридора. Он вернулся в класс, не сводя глаз со стен. Если код начали переписывать, значит, у него должен быть источник. Некая точка входа, где данные входят в систему, прежде чем развернуться в школьный класс или утреннее солнце за окном.

Артём открыл свой гроссбук. Страницы, которые он заполнял, были его якорем. Но теперь он смотрел на них иначе. Он искал не то, что *есть*, а то, что *не должно было быть*.

В записях за утро он нашел едва заметную пометку. На полях, где он обычно делал пометки о состоянии мицелия — его личной сигнальной сети, предупреждающей об искаже-

ниях, — стояла маленькая черная точка. Она была идеально круглой, без малейшего намека на неровность, которую оставил бы грифель карандаша.

Он поднес тетрадь ближе к лампе. Точка начала медленно пульсировать.

— Это не просто пометка, — пробормотал Артём. — Это маркер. Координата.

Он приложил палец к пульсирующей точке. Мир вокруг него дрогнул. Школа №8 на мгновение стала прозрачной: сквозь стены он увидел не школьный двор, а бесконечную сеть светящихся линий, уходящих в темноту — настоящий «черновой» код реальности, который скрывался под слоем привычных текстур.

Это длилось долю секунды. Затем школа вернулась в свое привычное состояние. Артём отшатнулся, едва не уронивgrossбух. У него перед глазами плыли цветные пятна.

Кто-то на той стороне не просто редактировал. Он показывал Артёму архитектуру. Показывал, что школа — лишь декорация, закрепленная на булавах кода. И где-то здесь, в этом самом здании, скрыт узел, позволяющий менять не только расписание уроков, но и саму структуру бытия.

Артём посмотрел на свой карандаш. Он был единственным инструментом, который у него остался. Он медленно провел линию поперек страницы, перечеркивая всё, что успел написать за день.

— Если ты хочешь играть в архитектора, — тихо сказал

Артём, глядя на пустое пятно на стенде в коридоре, которое снова начало затягиваться новыми, чужими символами, — то я буду тем, кто обрушит твои чертежи.

Он понял: если он не найдет того, кто оставляет маркиры, его «фиксированная» реальность распадется к утру. Он должен спуститься туда, где начинаются тени. В подвал. Там, где, по слухам, до сих пор можно услышать шаги Чистильщиков, даже если их официально удалили из реестра версий.

Артём взял фонарик, сунул гроссбух во внутренний карман и направился к лестнице, ведущей вниз. Вниз, в ту часть школы, которую он не фиксировал уже очень долго.

Глава 3: Слой пыли и кода

Лестница в подвал была местом, где реальность традиционно давала сбой. Здесь штукатурка всегда осыпалась чуть быстрее, чем позволяли законы физики, а воздух был пропитан запахом старой бумаги и влажной земли. Артём спускался медленно, свет фонаря выхватывал из темноты лишь узкие полосы пространства, которые немедленно схлопывались за его спиной.

Каждый шаг давался с трудом. Он чувствовал, как здесь, в глубине здания, сопротивление «Кода» возрастает. Реальность не хотела, чтобы он был здесь. Ступени под ногами казались ватными, а перила, когда он касался их, на мгновение становились холодными, как лед, превращаясь в чистую абстракцию данных.

— Ты не скроешься, — прошептал Артём. Его дыхание облачком пара зависло в воздухе, и в этом свете он увидел нечто странное.

Вместо обычных пылинок в воздухе танцевали крошечные светящиеся фрагменты — биты кода, которые осыпались с «потолка» реальности, как отслоившаяся краска. Он протянул руку, пытаясь поймать одну из частиц, и та исчезла, едва коснувшись кожи, оставив после себя едва уловимое покалывание.

Подвал встретил его тишиной, которая была не просто от-

сутствием звука. Это была тишина «мертвого кэша». Здесь, вдали от школьных коридоров и шумных классов, Система не тратила ресурсы на рендеринг. Стены здесь не имели текстур — лишь серый, незавершенный бетон, который в некоторых местах просвечивал, обнажая пустоту.

Артём направил луч фонаря в дальний угол. Там, среди груды старых парт и сваленных в кучу журналов, он увидел *его*.

Это не был человек, но и существом назвать это было сложно. Объект представлял собой вертикальный разрыв в пространстве, напоминающий дверной проем, но вместо двери внутри него пульсировала та самая тьма, которую Артём видел во время сбоя в классе. По краям «проема» воздух дрожал, как марево над асфальтом, а вокруг хаотично разлетались символы — те самые, что он видел в гроссбухе.

Рядом с разрывом лежал еще один предмет, совершенно чужеродный для этой помойки. Старый металлический сейф, распахнутый настежь. Внутри, на дне, лежал предмет, который заставил Артёма остановиться. Это была перфокарта. Точно такая же, какую он когда-то хранил в кармане, когда Семён Сигма заземлил код Писца.

Он подошел ближе. Его рука с карандашом непроизвольно потянулась к гроссбуху.

— Бэкап, — выдохнул он.

Если этот разрыв — вход в «черновой» код, то здесь, в подвале, кто-то держал архив версий. И судя по пульсации

разрыва, этот архив был открыт.

В этот момент тишина подвала сменилась низким, вибрирующим гулом. Это был не звук трубы. Это был звук самого процесса чтения. Кто-то читал его историю, прямо сейчас, выбирая, какой фрагмент реальности удалить следующим.

Артём понял: он не пришел в логово врага. Он пришел в терминал, и он только что авторизовался в системе, которую не должен был видеть.

Глава 4: Протокол чтения

Артём стоял перед пульсирующим разрывом, чувствуя, как реальность вокруг него истончается. Здесь, в «черновом» слое подвала, законы пространства работали иначе: расстояние между ним и сейфом ощущалось как одновременно бесконечное и несуществующее.

Он протянул руку, и воздух в месте разрыва отозвался холодным электрическим покалыванием. Символы, хаотично разлетающиеся вокруг, на мгновение замерли, образуя стройную структуру, похожую на логическую цепочку кода. Артём узнал синтаксис. Это был язык Писцов — тот самый, на котором была написана его собственная реальность.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.